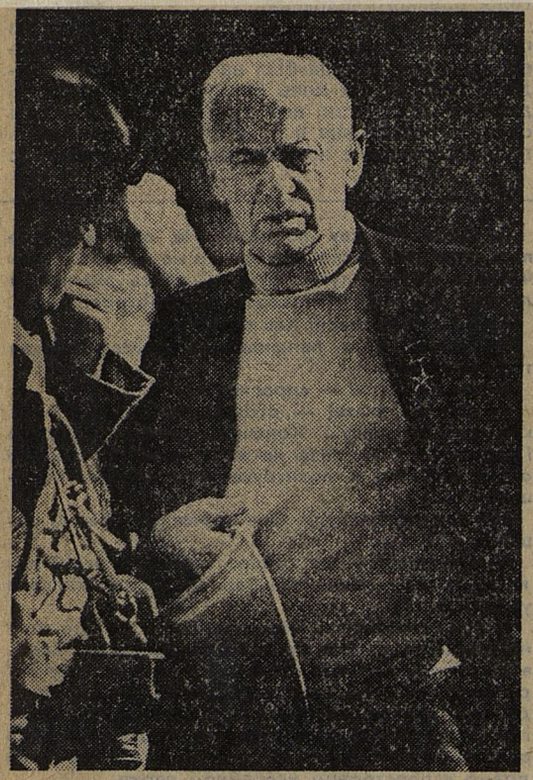
Кармен Р.Л. 29/XI 1986



МГНОВЕНИЯ СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ...

С кинокамерой в руках он шагал с интербригадовцами в Испании и с солдатами Великой Отечественной... Его имя с любовью называли нефтяники Каспия, чилийские патриоты и барбудос на острове Свободы...

Сегодня Роману Лазаревичу Кармену — режиссеру, оператору, страстному публицисту и репортеру лауреату Ленинской премии, Герою Социалистического Труда — исполнилось бы 80 лет.

О своем учителе, друге и коллеге рассказывает лауреат Ленинской премии, кинорежиссер Сергей Медынский.

«Автомобиль пересекает пустыню» — так назвал Роман Лазаревич одну из своих книжек, изданную «Детгизом» после выхода на экраны документального фильма «Советский Туркменистан». Тридцать тысяч ее экземпляров рассказали ребятам о Туркмении, ее людях и, конечно, об операторах-документалистах, снимавших фильм. Раскрываю — и будто переношусь в прошлое. И снова вижу себя ассистентом, а потом и оператором в его съемочной группе.

Сколько еще хорошего было впереди, когда Кармен сидел за письменным столом и вспоминал небольшой кусочек своей биографии! Еще предстояли съемки фильмов «Повесть о нефтяниках Каспия» и «Покорители моря»...

На вопрос: «А какую работу вы считаете главной в своем творчестве?» — принято отвечать: «Главная работа у меня впереди». Не рискну сказать так. Думаю, что главные мои фильмы — те, которые снимал в группе Романа Лазаревича на морских нефтепромыслах Азербайджана. Полгода на Нефтяных Камнях в 1953 году и полгода зимой 1958—1959 года.

Многим людям Кармен открывал какие-то уголки нашего огромного мира, давал возможность включиться в самые разные ситуации, помогал узнать и полюбить героев своего фильма. С той самой далекой поры 1953 года, когда мы с палубы небольшого суденышка увидели встающий из-за горизонта морской городок нефтяников, промысел Нефтяные Камни стал для меня своим. Теперь, наверное, не осталось на Камушках ни одного знакомого человека, но до сих пор открываю газету, читаю о трудовых делах бакинцев и воспринимаю это как что-то личное и дорогое. И снова слышу рокот моря, чувствую запах нефти, ощущаю палящие лучи солнца, нагревавшие эстакаду, трубы, кинокамеру так, что до них че дотронешься. До сих пор! А как мы все операторы-документалисты завидовали тогда Джаванширу Мамедову, который снял великолепные кадры нефтяного пожара. Правда, после кинопремьеры некоторые спрашивали доверительным шепотом: «А как это Кармену разрешили поджечь море и устроить такую съемку?» Не берусь описывать, в какое бешенство приходил Роман Лазаревич, когда узнавал о таких вопросах. И понятно почему — он, документалист, кинохроникер, любил и почитал настоящий, достоверный кадр. Его идеалом был всегда чистый репортаж.

Как хорошо я помню карменовский «Синефон»! Его оптику и кассеты, прижимную рамку, мотор — весь его металлический «организм», к которому нельзя было не испытывать нежности и благодарности. И другую камеру Романа Лазаревича — ту, которую впервые увидел на фотографии еще до знакомства с ним. Никогда не забуду ощущения уверенной тяжести, когда она ложилась на руку, ее «голос», когда она стрекотала, снимая какой-нибудь кадр. Жаль, если эта камера не сохранилась. А она могла бы стоять где-нибудь на стенде в ЦСДФ или во ВГИКе с табличкой «Камера оператора Р. Кармена».

Мне хочется написать о Кармене — и это понятно. Работа с ним — кусок моей прошлой жизни, один из самых ярких и интересных. Его энергия, юмор, умение организовать и мобилизовать людей не административной властью — все это водопадом обрушилось на меня впервые во время туркменских съемок.

Нам, окружавшим Кармена, не раз приходилось видеть, как в него сразу и беззаветно влюблялись люди, с которыми приходилось встречаться по тем или иным делам. Часто в книгах, в газетных статьях, в выступлениях Кармен употреблял слово «побратался». Чтобы оно было произнесено или легло на бумагу с полным правом, нужно иметь в душе запас добрых, хороших чувств и уверенность, что сказанное не прозвучит вхолостую, что есть ответный отклик с другой стороны. Думается, Кармен имел право на это слово. Оно не было пустой словесной шелухой, за ним стояла целая система человеческих отношений и поступков. И встреченные на хроникерских дорогах люди тоже помнили Кармена. Помнили большие начальники и простые матросы, народные артисты и буровые мастера, администраторы гостиниц и рыбаки, пограничники, водители автомашин.

Все ли любили его? Все. Кроме некоторых. Причины антипатии назвать трудно. Они у каждого свои. Но людей, которые относились к Кармену отрицательно, было так мало, что на вопрос «Все ли любили?» я все-таки отвечаю: «Все!» И проявление этого отношения было ему просто необходимо. Оно помогало ему жить, творить, противостоять трудностям. Не всегда он успевал ответить на внимание, почтение, обожание, но это не по злому умыслу, не от высокомерия. Просто в сутках всего двадцать четыре часа, а дел и забот у Кармена всегда было на двадцать пять, не меньше. И поглощенный мыслями о чем-то важном для него, целиком погруженный в заботу о предстоящем, он мог пройти мимо кого-то, не поздоровавшись, не проявив внимания, на которое человек рассчитывал. Бывало? Бывало. Но нельзя ставить это ему в вину. Ведь было и другое.

Внимателен ли был к людям вечно занятой, поглощенный делами Кармен? Да. Но только когда он видел, что человек полностью отдается работе. А допустил послабление, пожалел себя, забыл про необходимый четкий ритм — и незамедлительно упрется в тебя осуждающий взгляд. Или того хуже — равнодушный, который скользнет мимо. Но не знаю никого, кто бы старался в полную меру своих сил и потом не ощущал доброго внимания Кармена.

«Что думаете дальше делать? — писал Кармен после Туркмении Васе Катаняну, который тоже был ассистентом в нашей группе.— Вы молодой кадр, Вам и карты в руки. Напишите о своих планах на будущее лето. Может, опять сойдемся, а? Сколотим опять нашу группу... А хорошая была группа у нас!».

Снова и снова перебираю в памяти дни работы с Карменом. Не идеализирую ли? Не кажется ли все более благополучным, красивым и значительным, чем было на самом деле? Ведь память может услужливо опустить что-то нежелательное и снабдить ореолом обычное. А где конфликты, взаимное недовольство? Не скрываю ли что-то от самого себя? И думаю: нет! Повторил бы любой день работы с Карменом, потому что даже самые рядовые съемки теперь видятся в их истинном значении, и каждый из тех дней дорог!

...По заснеженным Каракумам идет колонна автомашин. На трассу будущего Главного Туркменского канала выехали строители и проектировщики. Им строить канал, и они захотели взглянуть на все своими глазами. Но почему-то вместо теплой весны или осени выбрали для поездки морозный январь 1951 года. И вот мы едем по зимней пустыне на машинах, а иногда в буквальном смысле слова тащим их на руках. Кармен поднимается на бархан и снимает, как, пробуксовывая, зарываясь по самые оси в песок, ползут наши машины, как, выбиваясь из сил, мы толкаем их вперед. Идет самый настоящий событийный репортаж, и Роман Лазаревич счастлив. Надсадно ревут моторы, раздаются хриплые голоса людей.

— Сережа! — говорит Кармен.— Вот помянете меня: настанет время — у нас будут легкие синхронные камеры и маленькие магнитофоны. Представляете, каким прекрасным, полным жизни, достоверным был бы эпизод, если бы зритель слышал все это!

Всегда вспоминаю слова Романа Лазаревича, когда теперь мы, кинодокументалисты телевидения, включаем камеру и без всякого труда снимаем синхронный эпизод. В любом месте, в любое время.

В книге «Автомобиль пересекает пустыню» есть такие слова: «Скоро ли снова увижу тебя, милая Туркмения?» О чем думал, что чувствовал Кармен, когда писал это? Наверное, был уверен, что через год, два, пять или десять лет снова попадет в те места, где нас так сердечно встречали, где так хорошо работалось, где было так интересно. Не пришлось. Помешали другие дела и фильмы.

Случались бы на свете чудеса, раздался бы телефонный звонок: «Сережа, а что вы скажете, если я приглашу вас поснимать в Туркмении?» И вернулся бы кусок счастливой жизни. Как все-таки обидно, что мы все понимаем и видим в истинном свете, когда это уже проходит...

С. МЕДЫНСКИЙ.

Фото В. Вяткина.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва
29 ИЮН 1986